

УДК 821.161.1.09(Цветаева)

*Светлана Александровна Фокина,
Евгения Митева
Одесса, Украина*

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА “РЫЦАРСТВО” В РАННЕЙ ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье осмысливается самобытность цветаевской интерпретации концепта “рыцарство” в смысловой структуре стихотворения “Я с вызовом ношу его кольцо...” (“С. Э.”), посвящённого Сергею Эфрону.

Ключевые слова: концепт, рыцарство, символика, авторский миф, Сергей Эфрон.

Многие учёные, работая с понятием “концепт”, накопили значительную теоретическую базу в понимании данного термина и его наиболее важных характеристик. Е. С. Кубрякова в определении концепта акцентирует, что это “некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании” [5, с. 316]. С точки зрения Ю. С. Степанова концепт — “основная ячейка культуры в ментальном мире человека” [9, с. 43]. Отличительной чертой концептов является то, что они предстают как “интерпретаторы смыслов” [6, с. 91] и “некие “потенции” значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом” [7, с. 155]. Не менее важной является особенность концепта получать “генетическое определение”, складываясь “из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике” [9, с. 60].

Таким историческим слоем концепта “рыцарство” в цветаевском ментальном мире становится культурный феномен рыцарства, порождённый эпохой Средневековья. Но М. Цветаева переосмысляет генетический показатель данного концепта.

В творчестве М. Цветаевой довольно значительный пласт лирики посвящён Сергею Эфрону. Образ мужа занимает важное место в авторском мифе поэтессы. Но в цветаеведении стихотворения, обращённые к данному адресату, рассматривались, как правило, исклю-

чительно в биографическом контексте. При этом следует отметить, что лирика, адресованная С. Эфрону, интересна не только с точки зрения реальных взаимоотношений между супругами и их судеб, но и прежде всего в аспекте интерпретации символики, авторских мифологем, мотивного и тематического рядов, а также концептов, которые представлены в этой группе цветаевских текстов. К таким текстам, несомненно, относится раннее стихотворение “Я с вызовом ношу его кольцо...” (“С. Э.”).

Поэтесса проецирует рыцарский кодекс и мифологемы на личность Сергея Эфрона, вернее на то, каким муж предстаёт в её лирике. М. Цветаева, сохраняя ряд показателей культурной модели рыцарства, трансформирует и интерпретирует их, создавая свою модель, которая соответствует установке зарождающегося авторского мифа.

Стихотворение “Я с вызовом ношу его кольцо...” — утверждение любви и обет верности мужу.

*Я с вызовом ношу его кольцо
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.
Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны.
В его лице я рыцарству верна.
- Всем вам, кто жил и умирал без страху. —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху. [12, с. 202]*

Практически с самого начала обращает на себя внимание символика. Лирическая героиня заявляет: “Я с вызовом ношу его кольцо!”. Но почему “с вызовом”? Очевидно, поэтесса имеет в виду верность и преданность своему мужу. В то же время возникает ощущение предчувствия некой трагичности и даже жертвенности — платы за

избранность судьбы обоих супругов¹. Для зарождающегося мифа М. Цветаевой принципиально акцентирование своей духовной связи с С. Эфроном, взаимного долга хранить друг друга, заданного свыше.

Кольцо имеет форму круга и означает бесконечность и непрерывность — в контексте стихотворения вечность любви двух ярких и талантливых людей. Кольцо символизирует “обет супружеской верности” [1, с. 244], а в подобии своей формы колесу включает в свою символику значение построения “будущего <...> бесконечный цикл обновления, весну” [4, с. 61]. Кроме того, кольцо — знак духовного братства и принадлежности к чему-либо. В данном случае подразумевается принадлежность к рыцарству. Несомненно, образ Сергея Эфрона в данном стихотворении впервые мифологизируется и связывается с темой рыцарства.

В куртуазной литературе мужчина воспевае возлюбленную. Правила куртуазного поведения предписывали проявление рыцарской любви как преданное служение Даме. В стихотворении, посвящённом С. Эфрому, наоборот — жена воспевае любимого мужа. Единение с мужем представлялось в авторском мифе М. Цветаевой ещё и своего рода братством, а обручальное кольцо оказывало предметом, приобщающим своего носителя к рыцарству.

В культуре для феномена рыцарства, “начиная с “Песни о Роланде””, были приоритетны “два полюса, вокруг которых вращалась <...> модель воинского этноса, — **доблесть** и **мудрость**. Обладание доблестью предполагало храброе поведение в бою, продиктованное стремлением избежать позора и поиском военной славы. Под мудростью подразумевались жизненный опыт и проницательность” [8, с. 435]. Марина Цветаева самобытно интерпретирует кодекс рыцарства. В цветаевском осмыслении концепта “рыцарство” соединяются установка как на противостоянии устоям куртуазной культуры, так и следованию ряду из них. Безусловно, М. Цветаевой импонирует идея, что в “тонах благочестия и пристойности, сдержанности и верности рисовался прекрасный образ идеального рыцаря” [11, с. 126], и поэ-

¹ В комментарии к стихотворению, сделанном А. Саакянц, сказано: “Кольцо, на внутренней стороне которого выгравирована дата свадьбы и имя Марина, находится ныне в Государственном Литературном музее в Москве; “его” кольцо, с именем Сергей, не сохранилось” [13, с. 284].

тесса заимствует представления об идеальном рыцаре, вводя как одну из идеологем своего творчества.

М. Цветаева большое внимание уделяет внешности мужа, в подтверждение сопричастности С. Эфрона рыцарству. Обращение к внешности присуще для цветаевской манеры на раннем этапе творчества. “Не презирайте “внешнего”!” [15, с. 230] - утверждала поэтесса. В период создания стихотворения внешний облик представлялся ключом к моральной сущности человека, к его внутреннему миру.

Сергей Эфрон обладал романтической внешностью: был высоким и худым, имел огромные глаза и узкое лицо. В своём лирическом послании М. Цветаева сравнивает лицо мужа со шпагой — символом чести и мужества. Признаками лица, которое “подобно шпаге”, становятся аскетизм, отрешённость и печаль, что подчёркивает иконописность и принадлежность к высшему. Когда поэтесса пишет: “Безмолвен рот его, углами вниз...”, то имеет в виду печаль. Из биографии С. Эфрона известно, что юноша был печален и раним, кроме того, зачастую чувствовал себя одиноким человеком. И действительно, кольцо, шпага, печаль являются также атрибутами рыцарства.

Жертвенность и печаль позволяют соотнести в ментальном универсуме М. Цветаевой образ эквивалентный С. Эфрому не только с феноменом рыцарства, но даже, возможно, с Орфеем. Показательно, что в цветаевской художественной системе “поэтический дар, символическим воплощением которого становится Орфей” [10, с. 73], наделяет своего обладателя предрешённостью страдания и, более того, носителю “творческого начала <...> часто придаются черты избранности и мученичества” [10, с. 79]. Кроме печали, с античным певцом С. Эфрона в цветаевском восприятии могли роднить и творческие способности. Известно, что у реального Сергея Эфрона были неплохие литературные данные, впоследствии несколько приглушённые присутствием рядом более сильного поэта.

В стихотворении образ С. Эфрона наделяет избранностью некая печать, отображающая, что “В его лице трагически слились / Две древних крови”. Для М. Цветаевой было важно такое генетическое единение, это делало в её глазах мужа особенным, наделённым неповторимой индивидуальностью. В вышеупомянутом письме В. Розанову М. Цветаева с гордостью подчёркивает: “В Серёже блестяще соединены две крови — еврейская и русская. Он *блестяще* одарён,

умён, благороден...” [16, с. 120]. Трагичность избранности от единения двух древних кровей как символа “души и жизненных сил” [2, с. 263] также делают С. Эфрона в цветаевском мифе сопричастным рыцарству как знаку принадлежности к высшему.

В заключение М. Цветаева утверждает, что “в его лице я рыцарству верна...”. Рыцарство способствует “превращению обычного человека <...> в человека духовного” [3, с. 433], чистого в своих помыслах и устремлениях. Концепт “рыцарство” включает как в свой генетический слой, так и сохраняет в культуре Серебряного века и, главное, в ментальном мире М. Цветаевой следующие смысловые показатели: отвагу, силу, нравственное совершенство. Смысловая доминанта данного стихотворения заключена именно в последней строфе:

*В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.*

В очерке “Нездешний вечер” поэтесса, воспроизводя свою беседу с М. Кузьминым, характеризует их общую эстетическую установку. “Всё ради этой строки написано? — Как всякие стихи — ради последней строки. — Которая приходит первой” [14, с. 282]. Не подлежит сомнению, что смысловым центром стихотворения “Я с вызовом ношу его кольцо...” (“С. Э.”) является именно последняя строфа.

Как уже было ранее упомянуто, поэтесса в данном тексте впервые отождествляет С. Эфрона с рыцарем. Примечательно, что в цветаевском понимании рыцарства есть некоторые отголоски пушкинского видения, которое явно прослеживается в стихотворении “Жил на свете рыцарь бедный”:

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.
<...>*

Сопоставив оба стихотворения, можно заметить скрытое влияние образной системы пушкинского текста на цветаевский. Неслучайно образы “рыцаря бедного” и С. Эфрона оказываются во многом близки.

Подводя итоги, необходимо отметить, что М. Цветаева, интерпретируя концепт “рыцарство”, сохраняет основные признаки исторической модели рыцарства. Среди генетических слоев цветаевского концепта можно выделить: доблесть, благородство, избранность, характерные и для средневекового рыцарского кодекса. Интерпретируя концепт “рыцарство”, М. Цветаева соотносит его со своим авторским мифом о Сергее Эфроне. Мифологизация личности С. Эфрона и отношений, которые связывали супругов, трансформируют традиционный концепт “рыцарство”. Характерной становится не идея воспевания рыцарем Прекрасной Дамы, а идея того, что лирическая героиня, соотносимая в цветаевском мифе с личностью поэтессы, воспекает мужа, представляющего в её лирике своего рода рыцарем. Другим показателем трансформации традиционной рыцарской модели является осмысление М. Цветаевой своего супружества как братства. В стихотворении обыгрывается в качестве обета супружеской верности приобщение лирической героини к рыцарству (“В его лице я рыцарству верна...”). М. Цветаева не только воспекает, но и любит С. Эфроном, облагораживает его. Стихотворение обыгрывает идею верности рыцарству и мужу, утверждение пронести эту сильную, неисчерпаемую и самоотверженную любовь через всю свою жизнь.

Кроме этого, в концепт “рыцарство” в цветаевском истолковании входит ещё один важный культурный слой: интертекстуальные отсылки к творчеству А. С. Пушкина, а именно к стихотворению “Жил на свете рыцарь бедный...”.

Все вышеперечисленные факты обуславливают своеобразие цветаевского концепта “рыцарство” и символики, связанной в стихотворении с рыцарской темой и образом Сергея Эфрона.

Список использованной литературы

1. Андреева В. Колесо (Кольцо, Круг) / В. Андреева // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. — М.: Астрель, АСТ, 2004. — С. 240—246.
2. Андреева В. Кровь / В. Андреева // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. - М.: Астрель, АСТ, 2004. — С. 263-265.

3. Андреева В. Рыцарь / В. Андреева // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. - М.: Астрель, АСТ, 2004. — С. 433-434.
4. Бенуас Л. Знаки, символы и мифы / Л. Бенуас ; [пер. с франц. А. Калантарова]. — М.: Астрель, АСТ, 2004. — 160 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
6. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Е. С. Кубряковой]. — М.: МГУ, Филологический факультет, 1996. - С. 90-105.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия ОРЯ : Серия литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 3-9.
8. Лучицкая С. И. Рыцарство / С. И. Лучицкая // Словарь средневековой культуры / [под ред. А. Я. Гуревича]. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. — С. 431-437.
9. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы : Словарь русской культуры. — М.: Академический Проект, 2004. — С. 42—83.
10. Фокина С. А. Пушкинские реминисценции в контексте орфического мифа в цикле Марины Цветаевой “Андрей Шенье” / С. А. Фокина // Nov6 filologick6 revue: [CASOPISOLTCASNEJLINGVISTIKE, LITERARNEJVEDE.TRANSLATOLOGII A KULTUROLOGII], - ROC. 4, CISLO 2, DECEMBER 2012. - С. 73-81.
11. Хейзинга Й. Гл. 4 :Рыцарская идея / Й. Хейзинга // Осень средневековья / [сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича]. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — С. 114-130.
12. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1., Кн. 1. : Стихотворения / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1997. — 336 с.
13. Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1., Кн. 2.: Стихотворения / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1997. — 320 с.
14. Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 4., Кн. 1.: Воспоминания о современниках / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1997. — 416 с.
15. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5., Кн. 1. : Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. — М.; ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1997. — 336 с.
16. Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6., Кн. 1.: Письма/ [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1998. — 336 с.